

Истории

отца Еремея

Габриэль

Сегула

Габриэль Сегула

Истории отца Еремея

<https://litres.ru/73494046>

SelfPub; 2026

Аннотация

Канготово.

Деревушка, затерянная в сибирской тайге, где время замедляет свой бег. Но для отца Еремея здешняя тишина наполнена голосами. В вое метели он различает мольбу, в скрипе ветвей тихий покаянный вздох. Его оружие вовсе не молитва, а простое слово.

Слово, способное стать мостом для падшего ангела, светом для души, заблудившейся во тьме, и прощением для того, кто уже отчаялся его получить.

Это истории о том, как однажды услышанная боль может изменить многое.

Содержание

Глава 1. Деревушка	4
Глава 2. Вечерняя служба	8
Глава 3. Ночной гость и отголоски истины	12
Глава 4. Шепот за окном	15
Глава 5. Уход	19
Глава 6. Тишина	22
Глава 7. Новая история	25
Глава 8. Прощальный скрежет	29
Глава 9. Коллекционер душ	33
Глава 10. Вестник из Амен-Хе	36
Глава 11. Не буди древние силы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Габриэль Сегула

Истории отца Еремея

Глава 1. Деревушка

Воздух в Канготово¹ был не просто холодным, а густым и острым, как битое стекло. Он звенел в ушах всепоглощающей тишиной, нарушаемой лишь далеким, одиноким карканьем ворона да скрипом ветки о подмерзшую кровлю. Деревушка, затерянная в сибирской тайге, словно впала в зимнюю спячку, укрывшись под белым саваном. Для шестнадцати оставшихся жителей: русских староверов и немногочисленных кетов, эта зима была лишь одной из многих в череде суровых субарктических зим, но она определенно ощущалась иначе.

Сугробы, похожие на застывшие волны, погребали под собой заборы и подступали к самым окнам заброшенных изб, их слепые глазницы смотрели на мир пустотой и безысходностью. Где-то под этим снегом лежали Канготовские пески, что летом манили туристов с круизных лайнеров, а теперь были лишь частью безымянной белой пустыни. Единственная улица, больше похожая на просеку, тонула в сумерках,

¹ **Канготово** – деревня в Туруханском районе Краснодарского края, расположенная на межселённой территории.

хотя до вечера было еще далеко. Тяжелые двери библиотеки-филиала №17 не скрипели, припасы в единственном магазине казались скудными перед лицом вечности, а замерзший берег Енисея молчал, не обещая богатого улова осетра или стерляди.

В этом году зима пришла не просто суровая – она пришла последней. Это было не знание, а чувство, тяжелое и неумолимое, что ползло из-под земли, из-под фундаментов домов, заложенных еще Шляховым в XVIII веке, и витало в морозном мареве.

И сквозь эту мертвенную, застывшую красоту, медленно, словно сопротивляясь самой гравитации отчаяния, двигалась одна-единственная фигура. Старый священник, отец Еремей. Его сгорбленная спина была живой летописью прожитых лет и тягот, а ноги с трудом вваливались в снег, оставляя за собой неровный, корявый след. Он казался таким же немощным и ветхим, как дома вокруг. Русская речь его предков и древние наречия кетов, что он слышал с детства, теперь растворились в этой тишине, и он один остался их немым хранителем. Но стоило ему поднять голову, и все впечатление рушилось. Из-под густых, поседевших бровей смотрели глаза, похожие на два осколка чистого, почти небесного льда. Они не просто видели; они пронзали насквозь: и сугроб, и стену, и душу. В этих глазах жила странная, неестественная для этого места ясность, словно он один во всей деревне знал некий великий и горький секрет, кото-

рый принесла с собой эта зима.

Его дом, низенький, почерневший от времени и непогоды, но удивительно крепкий, стоял чуть в стороне, на пригорке. Он не запирался, ведь в Канготово не было нужды в замках, так как единственное, что могло прийти извне, уже было здесь, в самом воздухе. Каждый, кто решался постучать в его дверь, тяжелую, обитую войлоком, находил внутри не просто убежище от стужи, а нечто большее: для русского охотника это были отголоски старой веры в стенах, помнящих основателя Шляхова; а для кета – молчаливое понимание, что этот человек хранит память и о их земле.

Дверь открывалась, и человека встречал не только запах воска и старого дерева, но и густой, хлебный дух, а также аромат свежезаваренного чая. Отец Еремей встречал гостя своей тихой, чуть печальной улыбкой, которая, однако, лучиками морщин вокруг глаз делала его лицо бесконечно добрым. Он не спрашивал ни о чем, лишь пододвигал к печи прочное, потертое кресло, наливал в граненую кружку чаю, не спеша, с особым вниманием к самому ритуалу. И тогда, в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев, начиналось главное. Люди шли к нему с разным грузом: кто с каменной тяжестью нераскаянного греха на душе, кто с щемящей пустотой утраченной веры, а кто просто с невыносимой тоской одиночества.

И каждое воскресенье, после вечерней мессы в крошечной, промерзлой церквушке, где дыхание прихожан превра-

щалося в облачка и уплывало под черные своды, они собирались вокруг него, словно дети. Но не для проповеди, а для истории. Они были разными: притчи, отточенные веками, словно ограненные алмазы; странные, почти забытые сказки, пахнущие хвоей и дымом стойбищ, в которых духи тайги говорили голосами кетских предков; горькие и откровенные исповеди из его собственного прошлого, о годах в колхозе «**Охотник**» и о том, как он хоронил целые поколения у этой реки, и о которых он говорил так, будто это была не его жизнь.

Но чудесным образом каждая история оказывалась нужной. Заблудшая душа, бредущая во тьме, вдруг находила в древней библейской притче тонкий, как нить, лучик надежды, и шла за ним. Тот, кто разуверился в чудесах, слышал сказку о лесном духе и вновь замечал, как искрится иней на ветвях, будто кто-то рассыпал самоцветы. А тот, кто запутался в паутине собственных пороков, слушал исповедь отца Еремея о его молодости и в падении другого вдруг с ужасом и надеждой узнавал себя, находя точку опоры, чтобы оттолкнуться от дна. Он касался струн их душ с точностью хирурга или, быть может, волшебника, и замерзшие сердца оттаивали, рождая ту единственную теплоту, что могла противостоять надвигающемуся холоду.

Глава 2. Вечерняя служба

Церковь в Канготово была крошечной, старой не от времени, а от вечности. Бревна, почерневшие от сырости и морозов, впитали в себя молитвы двух с половиной столетий и теперь, казалось, источали их обратно в сумрак, царивший под низкими, нависающими сводами. Воздух был густым, пахнувшим воском, ладаном и вековой пылью. Пламя нескольких свечей колыхалось, отбрасывая на стены гигантские, пляшущие тени, которые жили своей собственной, неспешной жизнью. В этой глуши церковь была не просто зданием, а последним оплотом против всепоглощающей внешней тьмы и тишины.

И вот, в одну из воскресных вечерних служб, отец Еремей вышел перед прихожанами и не сразу начал, а стоял, всматриваясь в каждого. Его пронзительный взгляд скользнул по лицу молчаливой старушки Агафьи, задержался на изъеденном шрамами лице Степана, в чьих глазах застыла пустота брошенной фабрики; встретился с уставшими, но не сломленными глазами учительницы Надежды, что одна боролась с безграмотностью современного времени. Он читал их, как раскрытые книги, видя невидимые миру раны, сомнения и надежды. Молчание затягивалось, становясь густым, почти осязаемым.

– Сегодня, братья и сестры, – голос его был тих, но каждое

слово падало в звенящую тишину с весом камня, – я начну цикл повествований, коих вы еще не слышали. Цикл о тех, кого мы не видим, но кто всегда рядом. Кто ходит за нами по пятам в лесной глуши, чье дыхание мы чувствуем в метель, чьи тени мелькают в углу глаза у медленно потухающей печки.

Он сделал паузу, позволив морозному ужасу от этих слов пробежать по спинам прихожан.

– И сегодня я расскажу вам первую. Историю о падшем страже и погибшей любви.

Отец Еремей перевел дух, и его взгляд утратил земную привязку, уносясь в иные миры.

– Не думайте, что небесные обитатели – это место покоя. И там есть место гордыне, что тверже льда и острее клинка. Жил там один страж, светоносный и прекрасный, сиявший, как утренняя звезда. Имя его было Элидар, что значит «*Дар Света*». И была у него возлюбленная, чистая, как первый снег. Звали ее Нефела, и была она ангелом облаков, легким дуновением, утренним туманом...

И отец Еремей начал свою повесть. Он рассказывал о том, как гордыня Элидара, его слепая вера в свою силу, заставила его пренебречь небесным законом и остаться с возлюбленной в небесах, когда наступала Великая Буря.

Голос его то становился шепотом, подобным шуршанию крыльев ночной бабочки, то крепчал, наполняясь мощью библейского пророка, когда он описывал ярость стихии.

– ...И он не смог удержать ее. Порыв ветра чудовищной силы вырвал хрупкую Нефелу из его объятий. «Элидар!» – это был последний звук, что он услышал, прежде чем гром поглотил все. Он нашел ее на острых скалах, где ее свет угас навеки.

Лица прихожан были бледны и неподвижны. Они забыли дышать, следя за полетом и падением небожителей.

– Суд был скорым и суровым, – продолжал батюшка, и его голос вновь стал металлическим и неумолимым. – *«Ты возомнил, что твоя сила выше наших законов. Твоя гордыня стала причиной гибели невинной души. Ты больше не достоин света. Мы отнимаем твои крылья. Ты будешь изгнан на землю, и твое бессмертное тело примет вид, отражающий твою собственную гордыню, ставшую грехом. Ты будешь гоним людьми, как прокаженный, и будешь бродить по миру, неся вечную память о своей вине, не в силах ни умереть, ни искупить ее».*

Когда история была закончена, в церкви стояла гробовая тишина. Казалось, сам воздух застыл, отяжелев от этого откровения. Прихожане медленно, молча расходились, унося в себе тяжесть и величие услышанного. Учительница Надежда украдкой смахивала слезу, будто оплакивая хрупкость всего самого чистого в этом жестоком мире; Степан сурово смотрел перед собой, сжимая свои мозолистые кулаки, словно вновь пытаясь удержать то, что однажды упустил навеки; а старуха Агафья что-то беззвучно шептала, перебирая паль-

цами, обращаясь к тем духам тайги, что были для нее куда реальнее, чем какой-то небесный Элидар.

Отец Еремей остался один в опустевшей церкви, где воздух был густым, пахнущим воском, ладаном и отзвуками откровения. Он задул свечи одна за другой, и только лампада у образа продолжала метать трепетные тени. Подойдя к двери, он на мгновение задержался, глядя в черную глазницу ночного окна. На миг ему показалось, что за стеклом, в крошечной тьме, мелькнуло бледное, искаженное страданием лицо. Но это могла быть и игра усталых глаз, и отблеск пляшущего огонька лампады.

– Спи спокойно, несчастный дух, – прошептал он. – Твоя история услышана. Может быть, в этом и есть начало твоего искупления.

И, перекрестившись, он вышел, чтобы запереть за собой дверь до следующего воскресенья, оставив за спиной тишину и незримое присутствие тех, о ком теперь знали в Канго-тово. Именно это присутствие, казалось, осталось дежурить в опустевшем храме, затаившись в углах. И теперь, когда отец Еремей гасил последние свечи, оно начало проявляться.

Глава 3. Ночной гость и отголоски истины

Тишина, опустившаяся в церкви после ухода прихожан, была особой: насыщенной, как густой настой, впитавший в себя дрожь откровения и тяжелые вздохи узнавания. Отец Еремей медленно гасил свечи, и с каждым угасшим пламенем тени на почерневших бревнах сгущались, наполняя из углов. Он уже собирался уходить, когда снаружи донесся звук, но не стук, а сухое, дребезжащее шуршание, будто по бревну провели старой костью. Трещотка прокаженного.

На пороге, где проходит тонкая грань темноты и метели, стоял он. Фигура в лохмотьях, сливающихся с ночной мглой, казалась порождением самой зимней стужи. Отец Еремей не дрогнул и не отшатнулся. Он распахнул дверь еще шире, впуская вихрь ледяного воздуха.

– Входи, странник. Ночью здесь никто не должен оставаться на холоде.

В скупом свете лампы, висящей перед ликом Спасителя, гость казался призраком. Но когда он дрожащей рукой сбросил капюшон, Еремей увидел не проказу, а нечто иное: кожу, испещренную не язвами, а словно бы потускневшими, потрескавшимися знаками, узорами, некогда сиявшими неземным светом. Теперь они напоминали потухшие звезды

на телесном небосклоне. И глаза... в них, лишенных былого сияния, горел немой, тысячелетний ужас, смешанный со стыдом бесконечного падения. Сердце Еремея сжалось, ведь он узнал в ночном страннике того, о ком только что рассказывал, – падшего стража, ангела Элидара.

Он молча ел предложенную похлебку в келье, сгорбившись у печки, а потом, уставившись в огонь, заговорил. И его исповедь, лишенная той притчевой красоты, была горше и страшнее. Он говорил не о буре, а о тишине, что наступила после. Не о суде, а о вечном шествии по земле, где каждый камень напоминает о скалах, принявших тело Нефелы. Он рассказывал, как люди, не ведая, что гонят не прокаженного, а падшего ангела, швыряли в него камни, и каждый камень был острее небесного приговора, ибо был слеп и несправедлив. Отец Еремей слушал, и бесконечная жалость переполняла его старческое сердце.

А в это время Степан, один из тех, кто слушал историю в церкви, сидел у себя в избе. Он не зажег свет, и только багровое пятно печного жара пульсировало в темноте. Он машинально смотрел в заиндевевшее окно, в черное зеркало ночи, где отражалась его собственная, изъеденная шрамами и жизнью тень. И вдруг в окне отразилось другое лицо. Бледное, искаженное немислимым страданием, с глазами, полными такой тоски, что сердце Степана сжалось в комок от ледяного ужаса. В ту же секунду отражение исчезло, словно

его и не было.

Степан узнал его. Того самого изгнанника. И странное чувство родилось в его душе, но не просто страх, а щемящее узнавание. Узнавание такого же одиночества, такой же вины, на которую он молился десятилетиями, но которую никак не мог изгнать. Вины за ту давнюю охоту, за несостоявшееся спасение, за сломанную жизнь... И глядя в темноту, где только что видел лицо вечного скитальца, Степан вдруг с надеждой ощутил, что его вина не так уж и неподъемна. Особенно, когда есть тот, кому еще хуже.

Отец Еремей, стоя на крыльце, провожал взглядом удаляющуюся в метели фигуру. Лохмотья сливались с кружащим снегом, трещотка издавала свой последний, затихающий шепот. Он понял. История, рассказанная в церкви, была лишь семенем. Теперь оно пускало ростки в самых потаенных уголках душ, всколыхнув не только людские сердца, но и призвав к порогу самого героя той скорбной легенды.

Он тихо вздохнул, перекрестился на ночную тьму и закрыл дверь. История закончилась, но ее отголоски только начали свой путь. А за окном, в сибирской метели, неприкаянный дух продолжал свой бесконечный путь, и, возможно, впервые за тысячелетия в его молчаливой мольбе о прощении затеплилась слабая искра надежды, что его боль была не просто услышана, но и разделена.

Глава 4. Шепот за окном

Тишина в церкви на этот раз была иной: не пустой и гнетущей, а напряженной, словно натянутая струна. Отец Еремей стоял перед своими прихожанами, и на его лице читалась не привычная кротость, а суровая решимость. Он получил разрешение. Разрешение на то, чтобы обнажить чужую, тысячелетнюю боль.

– Братья и сестры, – начал он, и его голос был непривычно тих, заставляя вслушиваться в каждое слово. – В прошлый раз я рассказал вам притчу. Сегодня я расскажу вам исповедь. Я прошу вас отнестись к этому не как к сказке, а как к чужой, но очень реальной жизни.

И он начал. Он говорил не о слепой гордыне, а о любви. О слепящей, всепоглощающей любви, которая заставляет забыть об всем, даже об осторожности.

Пока голос батюшки, то крепчающий, то переходящий в шепот, тек под черные своды, Степан сидел на своей привычной лавке у окна. Он не сводил глаз с заиндеветого стекла, за которым клубилась ночь. В отражении, поверх сурового лица отца Еремея, он видел свое: изъеденное шрамами и тайной виной. И вдруг, в черной глади стекла, прямо за своим отражением, он увидел другое лицо. Бледное, искаженное невыносимым страданием, с глазами, в которых стояла вся скорбь мира. В ту же секунду видение исчезло, словно

его смела метель. Степан сжал кулаки. Он не испугался. Он *узнал*. И сердце его сжалось не от ужаса, а от щемящего душу понимания. Он слушал.

А отец Еремей в это время, глядя на притихших людей, видел, как в их глазах вспыхивает то самое «узнавание», что родилось в душе Степана. И, желая донести до них всю глубину падения и высоту любви, он перешел к самой сути. К тому, с чего все и началось.

* * *

– Он смотрел на огонь свечи, как замороженный, пытаюсь увидеть силуэт и угадать знакомые черты. Он так и не простил себя за то, что удержать ее не смог...

Элидар был подобен ветру – сильный, свободный и не знавший привязанностей. Он любил лишь свою свободу, разбивая девичьи сердца одним своим видом: белоснежные волосы, голубые глаза и могучие крылья.

Но одно утро все изменило. Лучи восходящего солнца ослепили его, выхватив из облаков иную фигуру. Это была она. Ангел по имени Нефела. Ее полет был подобен парящей в небесах голубке, волосы, подобны морской пене, а изящные крылья ловили малейшее дуновение ветерка. Затаив дыхание, Элидар наблюдал за ней, а потом, совладав с собой, подлетел.

– Привет!

– Привет, – ответила она, одарив его сияющей улыбкой.

Они летали до заката, их крылья едва касались друг друга,

заставляя сердце Элидара замирать. Когда Нефела собралась уходить, он упросил ее остаться. Ночь они провели вместе, под шум волн и свет звезд, а утро встретили в облаках, и их танец среди них был так прекрасен, что им любовались сами небеса.

Но один-единственный день все перечеркнул. Услышав предупреждение о буре, Нефела испугалась, но Элидар, ослепленный любовью и уверенный в собственных силах, уговорил ее остаться.

– Доверься мне. Я сумею тебя защитить.

Буря налетела внезапно. Небо почернело, загрохотал гром. Элидар изо всех сил пытался укрыть Нефелу от ветра, но чудовищный порыв вырвал ее из его объятий.

– Нефела!!!

Его крик потонул в грохоте. Он бросился за ней, но встречный вихрь не пускал его. Ее слабое «*Элидар...*» стало последним, что он услышал.

Он нашел ее уже мертвой, разбившейся о прибрежные скалы. Суд был скорым и суровым.

– Ты нарушил запрет, и по твоей вине погиб ангел. Мы забираем твои крылья и изгоняем тебя на землю. Где ты будешь бродить подобно неприкаянному призраку.

Так началось его бесконечное странствие. Годы и столетия пролетели, а он, покрытый язвами, гонимый и людьми, и небом, продолжал любить и молиться о смерти, что однажды могла бы вновь соединить его с Нефелой.

* * *

Отец Еремей замолчал. В церкви стояла абсолютная тишина. Даже привычно ворчащий дед Агафон не шевелился, уставившись в пол.

Учительница Надежда прикрыла лицо руками. А Степан больше не смотрел в окно. Он смотрел внутрь себя, и впервые за долгие годы его собственная, каменная тяжесть вины показалась ему не такой уж и неподъемной. Ведь где-то бродил тот, чья ноша была несравнимо тяжелее.

Отец Еремей перевел взгляд на темное стекло, в котором отражалось пламя лампы.

– Он был здесь, – тихо сказал батюшка. – Он слушал. И, возможно, впервые за долгие тысячелетия он понял, что его боль не просто услышана. Она – разделена.

За окном, в сибирской метели, неприкаянный дух продолжал свой путь. Но в его молчаливом шествии появилась новая нота, состоявшая не только скорби, но и слабой, трепетной надежды, затеплившейся в ледяной тьме его бессмертия.

Глава 5. Уход

На следующее утро в Канготово стояла странная, звенящая тишина. Та тишина, что наступает не до, а после того, когда отзвучало нечто главное. Буря утихла, сменившись безмолвным, морозным затишьем, и в этой немой белизне мира было что-то торжественное и печальное. Отец Еремей, выйдя на крыльцо, сразу почувствовал не просто холод, а пустоту. Ту самую, что остается в доме, когда в нем перестает дышать гость.

Он медленно обошел церковь, его валенки скрипели по утопанному снегу. Он заглянул за угол, где обычно наметало сугробы, прошел к замерзшему ручью. Ничего. Ни звука, ни следа, ни обрывка лохмотьев на колючей ветви ели. Только ослепительная, нетронутая белизна, простиравшаяся до самого темного края тайги.

Скиталец ушел.

Сердце Еремея, привыкшее к тяжести, сжалось от новой, щемящей боли: смеси жалости и тревожного предчувствия. Он подошел к тому месту под окном, где накануне, сквозь мутное стекло, видел искаженное страданием лицо. Снег здесь лежал девственным покровом, ослепительно белым и гладким, будто никто не стоял здесь всю ночь: ни человек, ни призрак, ни ангел. Ни единого отпечатка, ни малейшей вмятины. Казалось, сама природа отказывалась верить в его

существование, тщательно замечая все следы.

И тогда его взгляд упал на заиндевевшую лавку у стены церкви. На ней, словно на алтаре, аккуратно лежал одинокий предмет.

Перо.

Оно было длинным, ослепительно белым, но не земной белизной снега, а сиянием давно угасшей звезды. От него исходил слабый, печальный свет, озарявший крошечный участок снега вокруг него мягким, мерцающим сиянием. Оно было похоже на последний след ушедшего света, на прощальный знак, в котором смешались прощение и вечная тоска.

Отец Еремей замер, боясь спугнуть хрупкое чудо. Он понимал. Это была не просто потерянная вещь. Это была весть. Уход Элидара не был бегством. Это было исцеление, пусть и неполное. Признание, что его боль была услышана и принята, позволило ему сбросить хоть малую толику своей ноши и эту частицу его прежнего, сияющего «я», которую он больше не был обязан нести в своем бесконечном одиноком странствии.

В тот день на лицах прихожан, пришедших в церковь, читалась та же странная пустота. Степан, обычно угрюмый, стоял с непривычно мягким, задумчивым выражением на изрытом шрамами лице. Он молча кивнул отцу Еремею, и в этом кивке было больше понимания, чем в долгих речах. Даже старуха Агафья перестала шептать свои молитвы и сиде-

ла тихо, уставившись на икону, будто увидела в ней что-то новое.

Вечером, оставшись один, отец Еремей взял в руки перо. Оно было невесомым и на ощупь кажется теплым, будто в нем все еще тлела память о том полете. Он не стал прятать его в ларец или под алтарь. Он аккуратно положил его между страницами старого, массивного Евангелия. Туда, где началась Книга Иова, история о другом страдальце, испытанном Богом.

Он вышел на крыльцо. Метель окончательно улеглась, и сквозь редкие, разорванные облака проглядывали холодные звезды. Где-то там, между ними, возможно, теперь парила душа, обретенная вновь. А здесь, на земле, оставался ее след, но не язва и не трещотка, а легкое, сияющее перо.

Отец Еремей перекрестился на ночное небо. Он знал, что история Элидара не закончилась. Она просто ушла из Канготово, унеся с собой частицу его собственной тоски и оставив взамен тихую, светлую грусть и ту самую искру надежды, что однажды способна будет растопить даже лед вечного одиночества. Он повернулся и вошел в церковь, чтобы запечатать дверь до следующего утра, оставив за спиной морозную ночь и тихое сияние в сердце.

Глава 6. Тишина

В тот вечер отец Еремей не стал зажигать свечу. Он сидел в темноте своей кельи, и призрачное сияние пера, что он держал в руках, было единственным источником света. Оно пульсировало в такт его собственному дыханию, согревая ладони не теплом, а тихим, всепроникающим умиротворением, словно в нем застыла капля давно утраченного небесного покоя. Он закрыл глаза, и ему вспомнились слова Элидара, но не о буре и падении, а о тишине, что наступила после. Та самая тишина, что царит в душе, когда боль, наконец, высказана и принята другим сердцем.

Он встал на колени. Молился он негромко, шепотом, обращаясь к тому, Кто судит и милует, чьи пути неисповедимы, но чья милость, как он верил, простирается дальше самых дальних границ мироздания.

– Господи, упокой душу твоей служительницы Нефелы и даруй ей свет вечный в селениях праведных. И направь на путь истинный стражника твоего Элидара. Дай ему обрести то, что он ищет вот уже тысячу лет. Дай ему найти не забвение, а прощение. Не конец, а новое начало в бескрайних мирах Твоего замысла.

Он молился за всех них: за Степана, чья тяжесть стала чуть легче; за старуху Агафью, нашедшую в этой истории отголоски верований своих предков-кетов; за учительницу На-

дежду, чья надежда окрепла; за всю эту маленькую деревушку, ставшую на краткий миг пристанищем для самой вечности.

Подняв глаза на темное окно, за которым лежала безмолвная, погруженная в зимний сон тайга, он вдруг с абсолютной ясностью ощутил. История Элидара и Нефелы не была завершена для него. Она была лишь началом. Ключом, который он, сам того не ведая, вставил в замок и повернул. Тихо скрипнула старая механика мироздания, и дверь между мирами едва приоткрылась. Теперь из тонкой щели в их, казалось бы, прочный и предсказуемый мир, тянуло ледяным ветром иных измерений, пахнущим озоном после грозы и пылью далеких звезд.

Боль Элидара, выплеснутая в слове и принятая сердцами людей, стала маяком в темной ночи. А любой маяк, как знал Еремей, виден не только тем, кто ищет спасения, но и тем, кто блуждает во тьме. Эта боль могла привлечь других. Других потерянных душ или неприкаянных духов, отринутых людьми и небом, жаждущих быть не просто услышанными, но и понятыми. Канготово, это крошечное, забытое всеми место, отныне было отмечено на некоей тайной карте вселенной.

Он подошел к окну, прижал ладонь к холодному стеклу. И в великой, вселенской тишине, спустившейся на Канготово, той самой тишине, что была куда громче любой бури, ему почудился далекий, едва уловимый шепот. То ли шорох

невидимых крыльев за пределами реальности, то ли тихий плач, то ли просто ветер, поднимающийся над Енисеем. Ветер, что нес с собой из глубин тайги, с заснеженных просторов, новые истории, новые боли и новые откровения.

Отец Еремей вздохнул. Его работа не была закончена. Она только начиналась. И в тихом сиянии пера на столе он видел не прощальный знак, а обетование и благословение на долгий, трудный и немислимо прекрасный путь. Путь благодетеля для душ, затерянных между небом и землей.

Глава 7. Новая история

Прошла неделя с тех пор, как тишина унесла с собой одного странника и принесла новую, звенящую надежду. В церкви пахло свежей смолой: Степан кое-как подлатал прогнившую доску на крыльце, работая молча и сосредоточенно, будто возводил не просто пролет, а укреплял границы своего собственного покаявшегося сердца.

Когда в следующее воскресенье отец Еремей вышел к своим прихожанам, он увидел в их глазах не просто ожидание, а вопрошание. Они пришли не только за утешением, но и за продолжением. Отзвук истории падшего стража все еще витал под черными сводами, смешиваясь с запахом ладана.

Он обвел взглядом знакомые лица: Надежду, сжимавшую в руках платок, сурового Степана, старуху Агафью, чьи губы беззвучно шевелились. Даже дед Агафон забыл сегодня ворчать, уставившись на батюшку выцветшими, но зоркими глазами.

– Братья и сестры, – начал Еремей, и его голос, привыкший к суровой тишине, прозвучал особенно ясно. – Мы стали свидетелями истории, что пришла к нам из самой вечности. Мы прикоснулись к боли, что старше наших домов, нашей деревни, даже нашей веры. И мы поняли главное: ни одна боль в этом мире не одинока.

Он сделал паузу, дав этим словам проникнуть в каждое

сердце.

– Наша земля, наш Север, – продолжил он, – всегда был краем странников и изгнанников. Одни уходили в тайгу за пушниной, другие – в поисках воли, третьи – спасаясь от властей. Их души, их надежды и их проклятия прочно вросли в эту землю. И сегодня я расскажу вам историю, что родилась не на небесах, а здесь, в сибирской глухомани. Историю о золоте, о кольце и о предательстве, что обрекло душу на вечное скитание у родного порога.

Слово «*предательство*» повисло в воздухе, густое и липкое, как смола. Степан невольно провел рукой по своим шрамам. Учительница Надежда замерла, словно боялась спугнуть нарождающийся сюжет. Все они знали, что такое предательство: в большом или малом объеме.

– Давным-давно, еще до того, как Канготово стало деревней, а было лишь стойбищем² да заимкой³, жил здесь промысловик по имени Гурий. Человек суровый и жадный, он слыл лучшим охотником на соболя во всем Туруханском крае. И был у него напарник, Анисим, человек тихий и верный, как пес. Вместе они нашли золотую жилу в верховьях Енисея, в таких местах, куда и сам черт с костылем не дойдет. Но золото это было не простое...

² **Стойбище** – это временная стоянка кочевых или полукочевых семей во время охотничьего или рыболовного промысла.

³ **Заимка** – это небольшой, обычно одиночный, жилой и хозяйственный комплекс, созданный для ведения промыслов (охоты, рыболовства, сбора дикоросов) вдали от основного поселения.

И отец Еремей начал свой рассказ. Его голос то гудел, как таежный ветер, описывая их трудный путь к заветному ущелью, то становился шепотом, полным алчности, когда он говорил о блеске золотого песка в потертом замшевом мешочке.

– ...И вот, стоя над своим богатством, Гурий решил, что делить его на двоих уж больно слишком много чести для Анисима. *«Одному легче будет вынести»*, – сказал он себе. И когда Анисим наклонился к ручью напиться, Гурий ударил его обухом кайла по затылку. Не крикнул, не ахнул Анисим, лишь рухнул в воду, успев перед смертью обернуться и взглянуть на товарища. А взгляд тот был не злым, а всего лишь удивленным. Но в то же время это было самым страшным удивлением в всем мире.

Прихожане замерли. В тишине было слышно, как трещит лучина в железном светце.

– Снял Гурий с пальца Анисима медное кольцо, что тот всегда носил, как подарок невесты, что ждала его в Красноярске. Надел его поверх своей рукавицы, мол, трофей, добыча. И понес золото. Но не смог он уйти далеко. Не призрак и не зверь преследовал его, а тот самый удивленный взгляд. Он возникал перед ним на каждой тропе и выглядывал из каждого дерева. Гурий сбился с пути, золото растерял, а кольцо с пальца снять уже не мог, оно будто вросло в плоть, каленым обручем сжимая кость. Он вернулся на это место, к стойбищу, но люди, увидев его помутившийся взгляд и вросшее в

палец кольцо, прогоняли его, как прокаженного. И бродит с тех пор его дух в окрестных лесах, не в силах ни уйти, ни остаться. Не холод и не голод мучают его, а вечный, невыносимый стыд. И в тишине тайги он скребет кольцо о кору деревьев, и слышится тогда сухой, скрежещущий звук, будто кость по кости...

Отец Еремей замолчал. В церкви было слышно, как завывает ветер в печной трубе. И в этом завывании каждому из слушателей почудился знакомый, леденящий душу скрежет.

Глава 8. Прощальный скрежет

Спустя несколько дней после того, как отец Еремей рассказал историю о Гурии, в Канготово вошел и прочно поселился страх. Не тот возвышенный ужас, что вызывала история небесного стража, а приземленный, липкий, незаметно подползший из самой тайги.

Первой к отцу Еремею пришла Марина, жена механика Ильи. Лицо ее было серым от бессонницы.

– Батюшка, ночью у стены скреблось. Но не ветер, ведь он по-другому воет. А это... будто гвоздем по стеклу. Сухо так, противно.

В тот же день привела свою внучку Агафья. Девочка, румяная обычно, вся побледнела.

– Бабка, а кто это за окном кольцом по дереву скребет? – пересказывала старуха слова ребенка, и ее собственные пальцы судорожно перебирали край платка. – Я сперва подумала, может зверь какой. А она все свое: *«Кольцом, бабка, кольцом!»*.

Но решающим стал визит Степана. Он вошел, не снимая шапки, и стоял посреди кельи, тяжело дыша, пахнувший морозом и махоркой.

– Я его видел, – хрипло выдохнул он. – Вчера, на болоте, за лесом. Стоял меж берез, спиной. И рукой, как помешанный, все водил по стволу... этот звук... Я ружье взял, на промысел

шел. А выстрелить не смог. Но не из-за страха. А потому что... жалко стало. До самых костей жалко.

Именно это – *жалость*, и стало для отца Еремея знаком. Дух Гурия не просто пугал. Он мучился. И его мука, как заноза, глубоко вонзилась в жизнь деревни. Просто молитвой здесь было не обойтись. Нужно было идти навстречу.

– Укажешь место, – просто сказал Еремей Степану.

На следующее утро они шли по просеке, утопая в снегу. Степан шел впереди, тяжело ступая, отец Еремей следом, с котомкой за плечами, где рядом с хлебом и салом лежала скромная деревянная дароносица. Лес стоял неестественно тихий, приглушенный толстым снежным одеялом. И сквозь эту тишину, сначала как показалось, а потом все явственнее, стал прорезаться тот самый звук. Негромкий, сухой и методичный. Скрежет металла по омертвевшей коре. *Скриип... скриип...*

Сердце Еремея учащенно забилося. Он пересилил желание остановиться и упрямо пошел на звук. Степан, бледный, но твердый в своей решимости, шел рядом, сжимая в руке не ружье, а топор, но не для защиты, а чтобы рубить сучья.

Они вышли на край болота, к островку низкорослых, корявых берез. И увидели *Его*.

Фигура в обледеневших лохмотьях стояла, прислонившись лбом к белому стволу. Правая рука с нечеловеческим упорством, движением одержимого, водила по коре. Пальцы были искалеченные, распухшие от старых обморожений

и вечного трения, а на одном из них, на указательном, было тусклое, медное кольцо, вросшее в синеватую плоть. От этого движения и исходил тот самый душераздирающий скрежет.

– Гурий, – тихо, но четко произнес отец Еремей.

Фигура не обернулась. Она лишь замолкла, застыв. Казалось, даже сам воздух застыл в ожидании.

– Твоя боль услышана, – продолжал батюшка, делая уверенный шаг вперед. – Твое раскаяние – тоже. Но пора отпустить. Его давно нет в живых. Тот, кого ты предал, обрел покой. И ты должен обрести его.

Он подошел ближе, не боясь. Он видел не призрака, а измученную виной душу.

– Дай мне кольцо, Гурий. Дай, я положу его перед Престолом, и твоя вина будет прощена.

Он протянул руку. Дух медленно, скрипя всеми суставами, словно лед ломался внутри него, повернул голову. Лица не было видно, лишь тень под капюшоном и два уголька невыразимой тоски. Он посмотрел на свою руку, на кольцо и на протянутую ладонь священника.

И тогда произошло чудо. Не ослепительная вспышка, а тихое подчинение. Он медленно, с невероятным усилием, протянул свою изувеченную руку. Отец Еремей, не дрогнув, взял ее. Пальцы призрака были холодны, как арктический лед. Кольцо, вросшее, казалось, навеки, дрогнуло.

Одно легкое движение и оно оказалось в ладони у Еремея.

В тот же миг фигура Гурия задрожала, стала прозрачной. Лохмотья растворились в морозном воздухе, словно их и не было. На месте, где он стоял, осталась лишь легкая вмятина в снегу да тишина. Полная, абсолютная и благословенная.

Степан, наблюдавший за этим, тяжело вздохнул, и из его груди вырвался хриплый стон. Стон облегчения, который он, возможно, носил в себе всю свою жизнь.

Отец Еремей разжал ладонь. На ней лежало кольцо. Простое, медное, потертое до блеска в одном месте, том самом, где он десятилетиями скреб им о кору. Оно не светилось, как перо Элидара. Оно было просто теплым. Теплым от последнего, прощального человеческого прикосновения. В нем не было небесного сияния, но в тоже время в нем была тяжесть отпущенной вины. Это был еще один ключ. И еще одна открытая дверь.

Глава 9. Коллекционер душ

Тишина, вернувшаяся в Канготово после ухода Гурия, была иной. Не зловещей и не звенящей, а глубокой, умиротворяющей, как вздох облегчения после очень долгой боли. В тот вечер отец Еремей, оставшись один в церкви, чувствовал эту тишину физически, и она обволакивала его, смывая усталость и холод леса.

Он зажег перед образом лампаду, и ее теплый, живой свет заколебался на потертом переплете старого Евангелия, что лежало на аналое⁴. Он не стал сразу открывать его. Сначала он молился. Не шепотом, а вслух, ясно и просто, как разговаривают с давно ожидаемым гостем.

– Господи, прими душу раба Твоего Гурия, отпусти ему грех предательства и братоубийства, как он отпустил свою ненависть к себе самому. Дай ему обрести в селениях праведных того, кого он погубил, и узреть в глазах его не укор, а прощение. Упокой, Господи, его мятушуюся душу. Аминь.

Словно в ответ на его слова, пламя лампы дрогнуло и вытянулось ровным, ясным столбиком. В воздухе запахло воском и чем-то неуловимо свежим, будто принесенным с горным ветром.

Только тогда он протянул руку к Евангелию. Книга с глу-

⁴ **Аналой** (от греч. ἀναλόγιον – «подставка для чтения») – это высокий столик с наклонной верхней плоскостью, используемый в православных храмах.

хим стуком раскрылась на знакомом месте – Книга Иова. И здесь, между страницами, лежали они. Два безмолвных свидетеля. Два ответа на безмолвные мольбы.

Перо Элидара сияло своим призрачным, печальным светом, озаряя текст о страданиях праведника мягким сиянием. Оно было легким, почти невесомым, метафизическим артефактом, чья природа была чужда этому миру. Тонкий намек на небесные выси, на разбитую любовь, что старше человеческого рода.

И рядом с ним, прижатое тяжестью страниц, лежало *кольцо Гурия*. Тусклое, медное и шершавое на ощупь. Оно не излучало света, а, казалось, впитывало его в себя, храня в своей прохладной тяжести многовековую скорбь. Оно было грубым, земным, пахнущим потом, золотом и кровью. Символ самой примитивной и оттого самой страшной человеческой страсти – жадности, обернувшейся предательством.

Отец Еремей смотрел на эти два предмета, и его пронзила странная, почти кощунственная мысль. Мысль о *коллекции*.

Он не собирал их преднамеренно, как собирают монеты или бабочек. Они приходили к нему сами, оставляя на хранение частички своих трагедий. Он стал... *собирателем душ*. Не в демоническом смысле, а в роли хранителя. Благотетеля для неприкаянных духов. Его скромная церковь в забытой богом деревне превращалась в некий тайный склеп, в музей невысказанной боли, где каждая «экспозиция» – это запечатленная в предмете исповедь.

Что будет дальше? Придет ли дух, чья боль воплотится в высохший цветок? Или в треснувшее зеркало? Или в простую, заржавевшую иголку? Каждый из этих предметов будет ключом, отпирающим дверь в чужое страдание, и картой, ведущей к заблудшей душе.

Он медленно закрыл Евангелие. Тяжелый переплет лег на две эти истории, придавив их не физическим весом, но весом слова Божьего, которое одно только и могло дать им окончательное разрешение.

Он вышел из церкви. Ночь была ясной, морозной, и звезды сияли с небесной, безразличной чистотой. Отец Еремей смотрел на них, но видел не холодные светила, а одинокий огонек лампы в своей келье, где в толще священной книги теперь хранились две самые странные его реликвии. Он был больше, чем священник. Он был летописцем немых печалей и проводником для тех, кто застрял на полпути между адом и раем. И он знал, что это была лишь вторая глава его новой, немыслимой летописи.

Глава 10. Вестник из Амен-Хе

Метель, начавшаяся после ухода Гурия, бушевала не на шутку. Она не была слепой яростью стихии, а скорее величественным и гнетущим действием, словно сама Сибирь решила замести все следы и очистить свою территорию для новой истории. Отец Еремей сидел в келье, при свете керосиновой лампы, неспешно перебирая четки. Вихрь за окном выл, но сквозь его вой ему чудился иной звук: тихий, настойчивый стук, который не мог принадлежать ни ветру, ни обломанной ветке.

Он подошел к двери и распахнул ее. На пороге, едва держась на ногах, стоял молодой человек. Снег покрывал его потрепанный походный рюкзак и куртку плотной коркой, лицо было сизым от холода и переутомления, а в широко раскрытых глазах читался животный, невысказанный ужас.

– Батюшка... – прохрипел он, и его голос сорвался. – Умоляю... приютите... Я из-за Урала... Бежал...

Еремей без лишних слов ввел его в тепло, усадил у печки, влил в него горячего чаю. Парень отогревался, судорожно сжимая кружку, и его взгляд блуждал по стенам, словно ища подтверждения, что он в точно безопасности. Звали его Артем и он оказался студентом-геологом из Екатеринбурга.

– Что гонит тебя, сынок, прочь из родных мест? – тихо спросил Еремей, когда тот немного пришел в себя. – От ка-

кой беды бежишь?

Артем сглотнул, потом медленно, почти с благоговейным ужасом, положил на стол небольшой предмет. Это был медальон из тусклого, почерневшего металла, по форме напоминавший пятиконечную звезду. В его центре, сквозь грязь и патину времени, угадывалась выгравированная надпись: «Негиления».

– Я нашел его... в руинах, – прошептал Артем. – В городе Амен-Хе... Вернее, то, что от него осталось. Это в Пермском крае, у самых гор... Там, в одной долине, есть проклятое место. Местные... они сторожат вход, не пускают никого. Говорят, чтобы *«не будить древние силы»*. Но нам, геологам, все-таки удалось проскользнуть...

Отец Еремей взял медальон. Металл был пугающе ледяным, но в его пальцах он словно замер, и по спине священника пробежал холодок, не имевший отношения к морозу за стенами. Это была не просто находка. Это была весть. Он перекрестился.

– Расскажи, – тихо, но властно сказал он.

И Артем, запинаясь, сбивчиво, начал свой рассказ. Он говорил не о геологических пластах, а о страхе. О том, как они с напарником, вопреки запретам старейшин, проникли в закрытую долину близ покинутого города Амен-Хе. О черных, как чернила, водах озера, окруженного неприступными скалами, которые местные зовут «**Беседкой Ветров**». О давящей, мертвой тишине, в которой даже птицы не пели.

– А потом... мы нашли руины. Старые-престарые, давно поросшие мхом. И в одном из домов... я нашел это. – Он кивнул на медальон. – А еще... я услышал звук. Сначала тихий, как ветер, потом... как скрежет. И увидел... тень. Высокую, в чем-то темном, и сторбленную. Она шла между руин. Мы побежали. Напарник... я не знаю, что с ним. Он споткнулся, я обернулся, а его уже не было. Только тишина. И этот... скрежет.

Артем замолчал, содрогнувшись. Он вытер лицо дрожащей ладонью.

– Я бежал без оглядки. Добрался до поселка, но там был лишь старый часовой... отставной солдат, караулящий ту тропу, рассказал мне... Он сказал, что мы потревожили нечисть, что спит там с тех пор, как пала древняя деревня Тонт. И рассказал историю... историю о черных доспехах, о проклятии, о девушке по имени Негиления и ее брате Юлиане... Он сказал, что те, кого проклятие обратило в монстров, до сих пор бродят в тех скалах. И что они носят вот такие звезды. И что медальон... это не просто безделушка. Это ключ. Или приманка.

Отец Еремей смотрел на потускневшую звезду в своей ладони. Рядом, в толще Евангелия, лежали перо небесной тоски и кольцо человеческого предательства. А теперь ляжет и этот символ древнего, кровного проклятия.

Его «коллекция» пополнялась. И с каждым новым экспонатом мир вокруг Канготово становился все шире, страннее

и опаснее. Метель за окном выла уже не просто ветром, она звучала как голос той далекой уральской долины, полный скрежета и древней ненависти.

Глава 11. Не буди древние силы

Воздух в церкви на этот раз был густым и тяжелым, словно пропитанным не только дымом ладана, но и дыханием далекой, чужой беды. Отец Еремей стоял перед своими прихожанами, и в его руке, рядом с распятием, лежал тот самый медальон: тусклая металлическая звезда с выгравированным именем «Негиления».

– Братья и сестры, – начал он, и его голос звучал не так, как всегда. В нем не было притчевой отстраненности, с которой он говорил об Элидаре, или суровой скорби истории Гурия. В нем отчетливо звенела тревога. – К нам пришла весть из-за Уральских гор. Весть о проклятии, что легло на землю много веков назад, но не хочет отпускать ее и поныне. Это не история о падших ангелах или заблудших грешниках. Это история о том, как древнее зло, однажды разбуженное, может пережить целые цивилизации.

Он положил медальон на аналой, и приглушенный свет лампы упал на него, не отражаясь, а словно впитываясь в старый потертый металл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.